

УДК 327(73)+94(470.43):(045)

**САМАРА В ОЦЕНКАХ ГАЗЕТЫ
«THE NEW YORK TIMES» В 1905-1907 ГГ.**

Покидова Н.В.

В рамках современных научных изысканий в области международной журналистики и изучения истории общественного мнения, возрастает значимость зарубежных печатных изданий. Они выступают в качестве ключевого инструмента для понимания того, как конструируется представление о реальности, которая отличается от собственной. В данной статье на материалах публикаций газеты «The New York Times» анализируется, как американское СМИ освещало Самарскую губернию в период Первой русской революции и голода. Источниковую базу исследования составляет эксклюзивная подборка из нескольких десятков газетных публикаций разных жанров: телеграммы из Санкт-Петербурга, развернутые корреспонденции с мест событий, письма и воззвания организаторов помощи голодающим, а также редакционных заметок и аналитических статей. В результате исследования установлено, что Самара на страницах «The New York Times» предстает не как рядовая административная единица, а как очаг разжигания революции и анархии. В этом образе синтезируются три фундаментальные темы, которые образуют отображение системного кризиса.

Ключевые слова: «The New York Times», Самарская губерния, голод 1905-1907 гг., Первая русская революция, образ России в американской прессе, гуманитарная помощь, анархия, вооруженное восстание, террор, эрготизм.

**SAMARA AS ASSESSED BY “THE NEW YORK TIMES”
NEWSPAPER IN 1905-1907**

Pokidova N.V.

In contemporary academic research in international journalism and study of the history of public opinion, the importance of foreign print media is growing. They serve as a key tool for understanding how perceptions of a reality that differs from

one's own are constructed. This article, using materials from "The New York Times" newspaper, analyses how American media covered the Samara Province during the First Russian revolution and the famine. The research source base consists of an exclusive selection of several dozen newspaper publications of various genres: telegrams from St. Petersburg, detailed correspondence from the scene, letters and appeals from famine relief organizers, as well as editorial notes and analytical articles. The study found that Samara on "The New York Times" pages is portrayed not as an ordinary administrative unit, but as a hotbed of revolution and anarchy. This image synthesizes three fundamental themes that form a reflection of a systemic crisis.

Keywords: "The New York Times", Samara province, famine of 1905-1907, First Russian Revolution, image of Russia in the American press, humanitarian aid, anarchy, armed uprising, terror, ergotism.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-20005.

В современной историографии наблюдается растущий интерес к анализу зарубежной прессы как инструмента формирования международных образов и стереотипов. Американская пресса начала XX в. играла значительную роль в формировании восприятия американской общественностью Российской империи – будущего союзника в Первой мировой войне, но до того – таинственной и пугающей «восточной деспотией».

Основная исследовательская цель – установить, какие представления, образы и нарративы о Самарской губернии транслировались на страницах «The New York Times» в переломные годы 1905-1907 гг., когда Россия переживала революционные потрясения и масштабный голод. Для достижения поставленной цели необходимо решить несколько задач: 1) выявить основные темы опубликованных статей; 2) проанализировать методы визуализации страдания и насилия; 3) определить наличие посредника как связующего звена

между американской аудиторией и российской действительностью; 4) реконструировать идеологический контекст, в котором подавались эти материалы.

Американская историография располагает обширным корпусом исследований, посвященных тому, как Россия воспринималась в Соединенных Штатах. Однако внимание в них чаще всего уделяется дипломатическим и политическим взаимоотношениям. Региональные аспекты, такие как Самарская губерния, представленная как «эпицентр голода» и «очаг революционного насилия», остаются недостаточно освещенными. Данное исследование призвано заполнить эти пробелы на основе анализа газетных статей, опубликованных в «The New York Times» в 1905-1907 гг.

Исторический контекст: Самарская губерния на переломе эпох

Период 1905-1907 гг. стал временем глубокого кризиса Российской империи: поражение в Русско-японской войне (1904-1905 гг.), Кровавое воскресенье (9 января 1905 г.), Всеобщая октябрьская политическая стачка (19 сентября – 25 октября 1905 г.), Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» (17 октября 1905 г.), а затем Московское восстание (9-18 декабря 1905 г.) – все это разрушило привычный уклад жизни страны. Как раз в это время юго-восточные губернии, включая Самарскую, поразил массовый голод, вызванный засухой и неурожаем 1905-1906 гг.

Самарская губерния сыграла ключевую, но крайне негативную роль в этом кризисе. Расположенная в среднем течении Волги, она являлась ключевым поставщиком зерна для империи, именно здесь неурожай принял катастрофические размеры. Согласно публикациям «The New York Times», «среднее количество зерна, собранного в 1906 году, составляло 100 фунтов с акра, или менее половины посеянного зерна» [10, р. 2]. Голод усугублялся эпидемиями тифа и цинги [10, р. 2], а также политической нестабильностью: крестьянские бунты, убийства чиновников, восстания в гарнизонах стали повседневностью [16, р. 1]

Уже в первых строках одной из центральных статей по теме голода, занимающей целую полосу, масштаб бедствия выводился на глобальный уровень: «Законный голод захватил две земли. Из-за засухи и неурожайности в Южно-центральной России 30 000 000 россиян в двадцати семи губерниях потеряли свои средства к существованию» [10, р. 2]. Интерес вызывает определение «законный», который употреблялся для того, чтобы отсечь все возможные сомнения в достоверности происходящего.

Голод как гуманитарная катастрофа: числа и образы

«The New York Times» изображает голод в Самарской губернии как событие огромного масштаба, затрагивающее всю страну и даже мир. Центральная статья сразу же подчеркивает глобальный масштаб бедствия, заявляя, что засуха и неурожай в 27 губерниях России лишили средств к существованию огромное количество жителей. Газета приводит слова доктора Кеннарда от 11 апреля 1907 г., который заявлял, что 20 миллионов жителей юго-восточных регионов России нуждаются в помощи, чтобы пережить период до нового урожая [1, р. 6]. В статье от 3 марта 1907 г. число пострадавших увеличивается до 30 миллионов, а территория, охваченная бедствием, сравнивается с тремя четвертями площади США [10, р. 2]. Это сравнение с американскими реалиями было призвано сделать масштабы трагедии более понятными и ощутимыми для читателей. В статьях используется слово «законный», в существующем контексте оно призвано убедить читателя в достоверности информации, отличая ее от сенсационных слухов.

Самарская губерния представлена как эпицентр трагедии. Британский комиссар доктор Кеннард сообщал из Самары 3 апреля 1907 г., что там умирают тысячи, а 750 000 человек голодают. Помощь получают 372 700 человек, которые довольствуются лишь одним приемом пищи в сутки, состоящим из хлеба и миски супа. По его мнению, это равносильно медленной смерти, что ставит под сомнение эффективность системы помощи [1, р. 6]

Местный земский деятель Николай Шишков, бывший член Государственного совета, в своем письме в редакцию раскрывает финансовую

сторону проблемы. Несмотря на наличие 1840 пунктов помощи и 219 бесплатных кухонь, ежемесячные расходы в 340 000 долларов значительно превышают гарантированные 100 000 долларов. Оставшаяся сумма зависит от непредсказуемой частной благотворительности, а казна ассоциации, чьи ежемесячные расходы составляют около 500 000 долларов, получают лишь десятую часть необходимого [20, р. 2]. Этот 90% дефицит становится главным аргументом для призыва к американцам о сборе пожертвований.

Репортаж от 21 февраля 1907 г., охватывающий Казань, Самару и Уфу под заголовком «Голод, уничтожающий мужиков», шокирует деталями. Например, в северных районах Казанской губернии «все дымоходы в деревнях были холодными, хотя термометр показывал минус 25 градусов по Фаренгейту» [7, р. 3]. Корреспондент «Associated Press», совершивший поездку упоминаемым губерниям, добавляет к экономическому анализу шокирующие медицинские наблюдения. В деревне Аланшипшак он обнаружил массовое распространение эрготизма или «злой корчи» – болезни, вызванной употреблением зараженного спорыньей зерна. Симптомы включают жжение печени, озноб, спазмы, которые могут привести к сокращению конечностей, слепоте и умственной отсталости. Эта болезнь стала причиной гибели множества нерожденных младенцев. Газета приводит пугающую статистику: в одной из деревень «эрготизм навсегда сделал инвалидами девять десятых жителей». А также упоминается о том, что эрготизмом страдали 74 из 78 посещенных домов [7, р. 3].

Описание детских страданий оказывают особенно сильное эмоциональное воздействие. Так, 11 апреля 1907 г. комиссар Кеннарди выступил с призывом о предоставлении консервированного молока, подчеркнув, что в Самарской губернии 80 000 детей лишены молока и вынуждены питаться скудной пищей в виде хлеба из желудей, древесного порошка и огурцов, что приводит к массовым смертям и болезням [1, р. 6]. В статье от 21 февраля 1907 г. приводится ужасающее описание приюта, где «в здании площадью сорок футов в квадрате проживало 120 детей, чья зеленоватая кожа, изможденные глаза и прозрачные виски указывали на то, что смерть

вскоре наступит» [7, р. 3] . Эти визуально насыщенные описания работали на мобилизацию сочувствия и, как следствие, жертвований.

Образ «анархичной» провинции: социально-экономическая деградация

Следующим важным аспектом в конструировании образа Самары становится фиксация полной неспособности государственной власти контролировать ситуацию. Вершиной этой темы стала заметка от 12 марта 1905 г. под названием «Анархия в Самаре», в которой говорится: «Советы их Самары говорят, что там царит анархия. Власти пассивны перед лицом самых ужасных преступлений. Многие люди были убиты бандами грубиянов, и никто не выходит на улицы» [2, р. 5]. Причем слово «анархия» используется не образно, а как точная политическая оценка: государство самоустранилось, погрузив общество в состоянии «войны всех против всех».

Так, наряду с сообщениями о голоде, газета «The New York Times» освещала всплеск политического насилия в Самарской губернии. В этом контексте газета предстает не столько организатором сбора продовольствия, сколько летописцем разрушения государственного порядка. 4 августа 1906 г. в газете появилась заметка «Еще один губернатор убит», сообщавшая: «Губернатор этого города (Самары) был мгновенно убит сегодня взрывом бомбы. Убийца был арестован. Голова и ноги губернатора были оторваны взрывом» [3, р. 2]. Сухая, краткая подача этой новости, в отличие от подробных описаний голода, вероятно, обусловлена спецификой криминальной хроники. Тем не менее, череда подобных инцидентов (убийство генерала Богдановича в Тамбове, командира полка Борисова в Самаре, капитана Новирова в Севастополе) [5, р. 6] создает ощущение повсеместного развала власти.

6 июля 1906 г. газета сообщила о мятеже двух полков в Самаре: «В донесениях, полученных сегодня из Самары, говорится, что два полка, расквартированные в важной провинциальной столице, подняли мятеж и выдвинули ряд политических и служебных требований» [15, р. 1]. Журналисты видели прямую связь между этими военными выступлениями и деятельностью

революционных сил, которые, по их данным, готовили провозглашение республики в случае всеобщей забастовки, тем самым усугубляя и без того напряженную обстановку. В середине июля, 20-21 числа, «The New York Times» опубликовала тревожные сообщения о масштабном пожаре в Сызрани, расположенной неподалеку от Самары [18, р. 2]. Последующие сообщения уточняли масштабы трагедии: 4000 домов были уничтожены, сотни жизней унесены огнем, а несколько человек, подозреваемых в поджоге, стали жертвами самосуда [9, р. 1]. Этот пожар был представлен как результат революционной демонстрации, что способствовало формированию образа провинции, охваченной хаосом.

Центральным событием, обнаруживающим связь между петербургской элитой и голодающей Самарой, стал «русский зерновой скандал», которому газета посвятила подробную разоблачающую статью. В основе скандала – мошенничество Эрика Лидваля, американского предпринимателя, получившего в ноябре 1906 г. огромный государственный контракт на поставку 180 000 тонн зерна в шесть голодающих регионов, включая Самарскую губернию. Без каких-либо гарантий правительство авансировало Лидвалю 800 000 рублей (400 000 долларов) за зерно, которое так и не было поставлено. Из-за этой аферы помощь голодающим была задержана более чем на два месяца. Когда Лидваль скрылся с деньгами, обнаружилась обширная коррупционная сеть, в которую был вовлечен даже помощник министра внутренних дел генерал Гурко [13, р. 5]. Иронично, что фон Вендрих, чиновник, известный своей попыткой милитаризировать железные дороги, получил свою репутацию именно во время голода 1891 г., когда его попытки решить проблемы с железнодорожными перевозками в Самаре потерпели неудачу [11, р. 4].

На этом фоне сюрреалистично выглядела заметка об обнаружении на грузовой станции Самары ящиков с «домашними вещами», прибывшими с Дальнего Востока. Под крышками обнаружились «аккуратно упакованные золотые рулоны». Газета комментирует, что «полиция Самары улучшала событие, присвоив часть сокровищ в ходе официального расследования», а

также делает вывод: «вся эта история сильно напоминает официально поддерживаемая растрата средств армии или Красного Креста» [12, р. 6] – все это символизировало повсеместное воровство и лицемерие, которые пронизывали все уровни имперской власти.

Политическое насилие: реконструкция хроники террора

В «The New York Times» политическое насилие выступает следующей ключевой темой, формирующей образ Самары. Фиксация террористических актов в публикациях создает у читателя впечатление, будто в губернии идет необъявленная гражданская война. Газета детально документирует теракты, восстанавливая хронологию событий с высокой точностью. Особое внимание было уделено убийству губернатора, которое освещалось дважды. В заметке от 4 августа 1906 г. сообщалось о гибели чиновника, с описанием ужасающих последствий: «Губернатор этого города был мгновенно убит сегодня взрывом бомбы. Убийца был арестован. Голова и ноги губернатора были оторваны взрывом» [15, р. 1] Такая натуралистичность, подчеркивающая расчленение тела чиновника, исключает нейтральность и представляет собой сообщение о показательной, жестокой казни. Через два дня газета добавила, что ответственность за это преступление взяла на себя местная группа «Организация борьбы революционеров» [8, р. 1].

Продолжавшаяся серия нападений на офицеров и полицейских свидетельствует о растущей угрозе. В августе 1906 г. в Самаре было совершено нападение на капитана полиции и армейского капитана, в ходе которого был убит их кучер, а один из нападавших при бегстве подорвался на собственной бомбе [17, р. 1]. Еще через несколько дней газета сообщает об убийстве командира полка Борисова прямо в его резиденции с леденящими подробностями: «Убийцы сбежали, насытив тело жертвы алкоголем, и подожгли его» [4, р. 3]. Подобные факты, независимо от их фактической точности, способствовали созданию образа «варварского» насилия, перед которым государством оказывалось бессильно.

Важно отметить, что газета фиксирует не только индивидуальный террор, но массовые вооруженные восстания. Так, в июле 1906 г. поступила телеграмма из Санкт-Петербурга: «В донесениях, полученных сегодня из Самары, говорится, что два полка, гарнизирующие важную провинциальную столицу, подняли мятеж и выдвинули ряд политических и служебных требований... Мятежники по-прежнему контролируют ситуацию, но не совершают излишеств» [15, р. 1]. За внешне спокойным тоном послания далее следует тревожный анализ: «Ситуацию усложняет тот факт, что в Самаре революционеры продвигают движение за провозглашение республики на случай всеобщей забастовки и могут воспользоваться настоящей возможностью для достижения своих целей» [15, р. 1]. Здесь впервые озвучена мысль о том, что Самара – потенциальный центр новой государственности и своего рода «полигон» для постимперского устройства. В январе 1906 г. на страницах издания уточнялось, что подобное восстание было подавлено «с большим кровопролитием» [14, с. 2].

Особого внимания заслуживает случай, ярко иллюстрирующий полный крах армейской дисциплины, отраженный в газете. В июле 1906 г. после роспуска Государственной Думы, «в Самарской провинции солдаты, вызванные для разгона, большое собрание возмущенных крестьян отказались стрелять, и в их присутствии произносились речи» [6, р. 1]. Делался вывод о том, что отказ «силы» подчиняться прямому приказу свидетельствует о глубоком кризисе власти, когда главный инструмент государственного принуждения перестает контролироваться.

Подводя итог, следует отметить следующее: проведенный анализ показывает, что в 1905-1907 гг. «The New York Times» создала поразительно цельный и глубоко трагичный образ Самары. Этот образ складывается из трех основных вех, которые в нарративе газеты сплетены между собой: гуманитарная катастрофа (голод, эрготизм, смерть сотен тысяч людей), абсолютная анархия с отсутствием состоятельности институтов власти

(коррупция, репрессии, афера Лидваля) и политическое насилие (террор, вооруженные восстания, планы провозглашения республики).

В данном контексте Самара выходит за рамки просто административного центра России. Она превращается в олицетворение общего кризиса Российской империи и служит предостережением для американской аудитории о том, к чему может привести игнорирование властью потребностей народа. Единственное упоминание Самары вне негативного контекста – это заметка о солнечном затмении 1907 г., где город указан лишь как промежуточная точка на пути из Оренбурга в Москву [19, р. 3].

Чтобы добиться максимального эмоционального отклика у читателей, газета не скупилась на натуралистичные описания ужасов – будь то разорванные тела, бледная кожа детей или искаженные от страданий лица. Эти шокирующие детали служили для более эмоционального противопоставления России и США. Сквозь все публикации проходит неявное, но устойчивое противопоставление: американская эффективность и сострадание против российской отсталости и жестокости. Даже проявляя сочувствие, газета делала это с позиции превосходства.

Итак, «The New York Times» не просто освещала события, но и активно участвовала в формировании образа «умирающей России», которая нуждается в поддержке и реформах со стороны Запада.

Список литературы:

1. 20,000,000 famine-stricken: Dr. Kennard finds a frightful situation in Russia // The New York Times. 1907. April 11.
2. Anarchy in Samara: Numbers killed by bands of roughs, authorities passive // The New York Times. 1905. March 12.
3. Another governor slain: Samara official killed by a bomb, assassin arrested // The New York Times. 1906. August 4.
4. Article 6 [No Title] // New York Times. 1906. August 22.

5. Cholera scourges Russian provinces: Thousands die, and the authorities are unable to stay the disease. Mutiny feared on ships admission that the revolutionary propaganda has made serious advances at Sebastopol // The New York Times. 1907. October 1.

6. Czar's troops refuse to fire on peasants: Others fraternize with the strikers at Yuzovka. No strike or revolt yet reported decision of the people's leaders, half a dozen spies murdered in St. Petersburg // The New York Times. 1906. July 28.

7. Famine decimating mujiks: Officials getting government rations, while peasants starve // The New York Times. 1907. February 21.

8. Front Page 1 [No Title] // The New York Times. 1906. August 6.

9. Front Page 11 [No Title] // The New York Times. 1906. July 21.

10. Incredible scenes of hardship: Disease adds its horror to that of hunger. Many months of suffering and death ahead // The New York Times. 1907. March 3.

11. Prince M. Khilkoff frustrates a plot: Conspiracy to place Russian railways under military control revealed // The New York Times. 1907. November 24.

12. Russian "Graft" found? Extraordinary unearthing at Samara of \$500,000 in gold // The New York Times. 1905. July 29.

13. Russian grain scandal created by fur cutter: Ex-employer of New York furriers disappears with \$400,000 // The New York Times. 1907. January 29.

14. Slaughter at Samara. Gen. Bogdanovitch is dead // The New York Times. 1906. January 1.

15. Russian troops in revolt: Soldiers at Samara, where republican ideas prevail, mutinous // The New York Times. 1906. July 6.

16. South Russia rises; the Czar isolated // The New York Times. 1905. October 26.

17. Terrorists answer Czar with bombs: General attacks on police and troops in many cities // The New York Times. 1906. August 16.

18. Terrorists burn a town: Whole of Syzran in flames – terrible devastation by peasants // The New York Times. 1906. July 20.

19. The coming solar eclipse, the last favorable one for six years // The New York Times. 1906. September 16.

20. The Russian famine: Conditions in Samara call for contributions to Red Cross Fund // The New York Times. 1905. May 11.

Сведения об авторе:

Покидова Наталья Владимировна – лаборант отдела научных исследований и грантов Самарского государственного социально-педагогического университета (Самара, Россия).

Data about the author:

Pokidova Natalya Vladimirovna – Laboratory Assistant of Scientific Research and Grants Department, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia).

E-mail: nataly90a@yandex.ru.